

*Морган Лливелин с любовью
от ее сестры из будущего.*

Пролог

Бретань, 1056 год

—Этот ребенок незаконнорожденный, дядя, и об этом надо объявить! — Бланш Сен-Ронан поджала губы, ее жесткие голубые глаза впились в лицо дяди. — Я вышла замуж за Сирена Сен-Ронана и согласилась жить в Аргоате не для того, чтобы мое дитя лишилось всего по вине этого отродья! — Ее тонкие пальцы вцепились в темно-синий шелк пышной юбки. На каждом пальце сверкало золотое кольцо с драгоценным камнем. — Ты должен помочь мне, дядя! Должен!

Епископ Сен-Бриека взглянул на свою племянницу, испытав при этом привычное чувственное удовольствие. Бланш была безукоризненной красавицей: со светло-золотистыми косами, переплетенными цветными лентами, с молочно-розовой кожей и небесно-голубыми глазами. Епископ ощутил легкий укол досады. Бланш годилась в жены королю, но из-за того, что она была младшей дочерью сестры епископа, приданое ей досталось очень маленькое. Родители хотели было отправить Бланш в монастырь, но девушка взбунтовалась, и дядя поддержал ее: она слишком хороша, чтобы прятать ее от людских глаз. Епископ

4 устроил ее брак с бароном Сен-Ронаном — отпрыском безупречного бретонского рода и владельцем чудесного поместья, но человеком небогатым.

Сирен Сен-Ронан был вдовцом; от первого брака у него осталась маленькая дочка. Бланш возненавидела девочку с первого взгляда, но до свадьбы с бароном Сен-Ронаном умело скрывала свое отвращение. Теперь же она сама была беременна, и епископ понимал тревогу своей племянницы, однако он был осторожен. Бланш не удастся так просто избавиться от падчерицы. Епископ сделал еще одну попытку вразумить ее:

— Если ты родишь сына, Бланш, то никто не станет оспаривать его право на наследство. Все, что достанется этой девочке, — крохотное приданое. Через год-другой она войдет в возраст, и ее можно будет отослать в семью ее будущего мужа, если же нет, то мы сможем отправить ее в монастырь и покончить с этим. Не стоит беспокоиться, сокровище мое. — Епископ протянул пухлую руку с ямочками и погладил племянницу по шелковистым волосам. — Ты еще молода. Тебе всего четырнадцать лет, у тебя впереди много времени, и ты еще родишь своему супругу много сыновей.

— Сирен умирает, дядя! Другого ребенка не будет! Если родится дочка, то тогда эта девчонка, Мэйрин, унаследует поместье, а мое дитя останется ни с чем! Ты не можешь допустить, чтобы это произошло, дядя! Не можешь! — В голосе ее зазвенели нотки близкой истерики. — Я ношу под сердцем девочку, дядя. Это она сказала! Помоги мне!

— Пока ребенок не родится, Бланш, никто не сможет сказать, мальчик это или девочка. Кто сказал тебе, что ты носишь дочку? Неужели ты слушаешь этих деревенских старух с их рассказами и приметам?

— Это сказала Мэйрин, дядя. Ты ведь знаешь, что эта девчонка ясновидящая! Здесь, в Бретани, мы не

можем закрывать глаза на подобные вещи, ведь мы происходим из кельтского рода. Несколько недель назад она спросила меня: «Как вы себя чувствуете сегодня, миледи Бланш? А как чувствует себя моя маленькая сестренка?» Сирен был со мной, это случилось еще до того несчастья. Он поднял эту проклятую девчонку на руки и спросил: «Значит, ты увидела, что у тебя будет сестра, Мэйрин?» А она ответила: «Да, отец. Это сестричка, и она будет такой же хорошенькой, как леди Бланш».

Епископ откинулся на спинку кресла и задумался над словами племянницы. Церковь не одобряла ясновидцев, но, как справедливо заметила Бланш, они жили в Бретани. Они действительно были потомками кельтов, и что бы там ни говорила церковь, бретонцы верили в ясновидение. Падчерица его племянницы на самом деле владела этим даром, хотя ей всего пять с половиной лет и она еще не научилась как следует управлять им. Если Сирен Сен-Ронан умрет от ран, а ребенок Бланш окажется девочкой, их семья наверняка потеряет земли Сен-Ронана, поскольку наследницей станет старшая дочь. Мэйрин — здоровый ребенок, и хотя сам епископ никогда бы не решился на насилие против малышки, его племянница сейчас была готова на все.

— А что говорят лекари о состоянии твоего мужа, соковище мое? — мягко поинтересовался епископ. — Они действительно убеждены, что он умирает?

— Да, — раздраженно ответила Бланш. — Он в ужасном состоянии, дядя, слабеет день ото дня, и доктор уже простился с надеждой. Я овдовею задолго до того, как родится мой ребенок! И все из-за того, что Сирен и граф де Комбур вздумали играть в эту дурацкую игру! Может быть, граф будет заботиться обо мне и моей ребенке, когда Сирен умрет? Как бы не так! Он виноват, а я должна страдать!

6 — Бланш, Бланш, — успокаивающе проговорил епископ, сжимая толстой рукой ее изящное плечо. — Сирен дружил с графом с детских лет, и они играли в свою любимую игру, как всегда, когда граф приезжал в Ландерно. Чтобы перепрыгнуть верхом на лошади замковый ров, нужно большое искусство, и оба они в прошлом часто падали в воду. Сирену просто не повезло, что на сей раз его придавила лошадь и он наглотался воды.

— Да, — с горечью отозвалась Бланш Сен-Ронан, — действительно, не повезло, дядя, но теперь мне придется самой заботиться о моем ребенке. И чтобы мое дитя не стало несчастным, Мэйрин надо объявить незаконнорожденной. Почему я должна беспокоиться о том, что станет с Мэйрин? Она не моя дочь! Почему я должна думать о будущем этого отродья ирландской дикарки? Если дожждаться смерти Сирена, люди скажут, что я оклеветала эту девчонку, но если ты поможешь мне сейчас, милый дядюшка, разве кто-нибудь осмелится обсуждать решение церкви? Если сделать это до смерти мужа и если он не станет протестовать, кто посмеет осуждать меня?

— Сирен Сен-Ронан любит свою дочь, Бланш. Он не допустит, чтобы ее объявили незаконнорожденной.

— Сирен Сен-Ронан ничего об этом не узнает, дядя. Как только дело будет сделано, к нему не приблизится никто, кроме меня и моих преданных слуг. И люди воспримут его молчание как знак согласия! — Бланш торжествующе улыбнулась епископу, и ее мелкие ровные зубки ослепительно сверкнули между розовыми губками.

— Что именно ты хочешь от меня, Бланш? — Епископ подумал, что его племянница, видимо, очень тщательно поразмыслила об этом деле. Решимость ее восхищала.

— Церковь должна объявить, что Мэйрин Сен-Ронан рождена вне брака и потому не имеет права унаследовать поместье своего отца, — спокойно ответила Бланш. — Церковь должна объявить, что настоящим наследником Сирена Сен-Ронана станет ребенок, которого я ношу под сердцем.

— Но на каких основаниях, Бланш? Чтобы лишиться наследства маленькую Мэйрин, нам понадобится законное доказательство, иначе меня обвинят в клевете.

— Дядя! Я знаю наверняка, что свидетельства о браке моего супруга с матерью этой девчонки не существует. Эту женщину не видел в Бретани ни один человек. Она ведь была ирландкой и, как утверждают, умерла в Ирландии, так что Сирен не успел привезти ее сюда. Однако доказательств этому не существует. Эту девчонку признали только со слов моего мужа.

— Как звали ее мать? — спросил епископ. — Тебе известно о ней что-нибудь?

— Ее звали Мэйр Тир Коннелл. Сирен говорил, что она была из королевского рода, но я не верю ни единому его слову! Я уверена, что она какая-нибудь деревенская дикарка, с которой милорд забавлялся, пока жил в Ирландии. Говорят, мой муж в юности был весьма необуздан. Знаешь ли, дядя, эта развратница могла родить девчонку и не от него! Возможно, Мэйр Тир Коннелл действительно умерла, а Сирен взял ее ребенка на воспитание. Ты ведь знаешь, какой он мягкосердечный. Так разве можем мы допустить, чтобы Ландерно попало в руки внебрачной дочери, рожденной неизвестно от кого, да еще при том, что я скоро рожу законного наследника поместья?

— А что делал барон Сен-Ронан в Ирландии? — полюбопытствовал епископ.

— Мать Сирена была ирландкой. Когда его отец умер, она вышла замуж за своего старого друга, с ко-

8 торым выросла вместе в Ирландии. Через несколько лет она заболела, и отчим моего супруга послал за ним, чтобы он простился с матерью. Тогда он и встретил Мэйр Тир Коннелл и, по его уверениям, женился на ней. Но он никогда не показывал мне свидетельства об этом браке, дядя, и сама я не смогла найти никакого подтверждающего документа. Поверь мне, я очень хорошо искала.

Епископ сдержанно улыбнулся. Он не сомневался, что его обожаемая Бланш действительно усердно искала документ о первом браке своего мужа, чтобы уничтожить его.

— Когда эта ирландка родила милорду дочку, она чувствовала себя очень плохо, — продолжала Бланш. — Сирен вернулся в Бретань, оставив ее набираться сил перед долгим путешествием в Ландерно. Он не был в своем поместье больше года и беспокоился о том, как здесь идут дела. Его мать умерла вскоре после рождения Мэйрин. А когда Сирен снова приехал в Ирландию, чтобы забрать эту женщину и ее ребенка, то узнал, что Мэйр тоже умерла. Он привез ее дочку в Бретань. Это он так говорит, дядя, но мне кажется, что он просто пытается защитить внебрачного ребенка. Этот брак не подтвержден никаким документом!

— Ты уверена, моя малышка?

Если это правда, подумал епископ, то его смышленная племянница, похоже, действительно нашла способ лишиться наследства свою падчерицу.

— Абсолютно уверена, дядя, — твердо ответила Бланш.

— А как насчет того великана-ирландца, который охраняет девочку, сокровище мое? По-моему, он был рабом матери Мэйрин. Возможно, ему известна правда. Ты не говорила с ним?

— Дагда? Он не сможет сообщить нам ничего ценного, дядя. Он до невозможности глуп. Если ты поможешь мне, мы без труда добьемся своего!

Епископ Сен-Бриека благосклонно улыбнулся своей любимой племяннице, снова подумав о том, как она хороша собой. У Бланш было безошибочное чувство стиля. Синее платье, которое она надела сегодня, удивительно шло к ее светлым волосам и прекрасным голубым глазам. Пышная юбка лишь чуть-чуть темнее, чем туника с воротом и манжетами, расшитыми золотой нитью и крохотными речными жемчужинами. Золотистые косы, переплетенные розовыми лентами, уложены в завитки вокруг ушей, как требовала мода; прическу поддерживал тонкий золотой обруч, украшенный сверкающими самоцветами. «Да, Бланш просто великолепна», — с гордостью подумал епископ. Она заслуживала блестящей партии.

— Если ты уверена в том, что говоришь, Бланш, — произнес он с одобрительной улыбкой, — то я постараюсь помочь тебе в этом деле. В отличие от своего легкомысленного супруга, малышка моя, ты получишь документ с подписью и печатью, который подтвердит правоту твоих слов. Мэйрин Сен-Ронан будет объявлена незаконнорожденной и не сможет унаследовать владения своего отца. Земли Сирена Сен-Ронана будут принадлежать только твоему ребенку, а ты станешь управлять ими до тех пор, пока твой ребенок не вступит в брак, будь то девочка, или не достигнет совершеннолетия, если родится мальчик. Ты довольна?

Бланш вскочила со скамьи и обвила руками шею дяди, как она обычно делала в детстве. Затем с лукавой улыбкой уселась на его пухлые колени, вызывая поерзав ягодицами.

— Ах, дядюшка, — ласково проговорила она, заглядывая в его полное лицо. — Ты всегда так добр ко мне!

10 Епископ лучезарно улыбнулся ей в ответ, чувствуя, как у него слегка перехватило дыхание. Его окутал чудесный аромат благовоний, которыми так искусно пользовалась Бланш. Сегодня она благоухала, как ночная лилия.

— Милая Бланш, — ответил он, погладив ее по изящной ручке, — разве может быть иначе? Я обожаю тебя, и ты прекрасно это знаешь, моя плутовка.

Бланш Сен-Ронан крепко прижалась к своему дяде. Кончик ее розового языка дразняще прикоснулся к его полным губам.

— Пусть будет так, как было раньше, пока я не уехала в Ландерно! — хрипловато прошептала она. — Давай займемся любовью!

Дыхание епископа стало тяжелым и частым; не выдержав, он сжал грудь своей племянницы со стоном, выдававшим вспыхнувшую страсть.

— Ты беременна, и я боюсь причинить тебе вред, моя малышка, — для вида возразил он.

— Дядюшка, дорогой! — Бланш обдала его ухо жарким дыханием. — У меня даже живот еще не округлился. Ты не причинишь никакого вреда, а я сгораю от желания! Меня выдали замуж за слабого, отвратительного человека, который никогда не был таким мужественным, как ты. Не понимаю, зачем ему вообще понадобилась жена. — Она слегка лизнула ухо епископа.

— Тебе повезло, что он решил жениться, малышка моя! Иначе ты сидела бы взаперти в монастыре, а не купалась бы в роскоши, — напомнил ей епископ, чувствуя, как его естество начинает требовать своего.

— Но он никогда не сравнится бы с тобой, дядя, — недовольно надув губки, отозвалась Бланш. — Я приду в твои покои, как только отдам нужные распоряжения в замке, — добавила она и улыбнулась, обнажив без-

упречно белые зубы. — Милый мой дядюшка, ты ведь не откажешься утешить меня в моем несчастье? 11

Сердце епископа колотилось от возбуждения; он чувствовал, как страсть к очаровательной племяннице возрастает в нем с каждым мгновением. Он взял ее девственность в исповедальне, когда ей было двенадцать лет, и сейчас, когда Бланш ласкалась к нему, он вспомнил, как обладал ею прежде. Это случалось неоднократно, и каждый раз Бланш оказывалась восхитительно ненасытной. Только сейчас епископ в полной мере понял, как ему недоставало милой племянницы с тех пор, как она вышла замуж за Сирена Сен-Ронана. Хотя жаловаться на одиночество ему не приходилось, ни одна женщина не вызывала в нем такой страсти, как Бланш. Протянув руку, он погладил ее по бархатистой щечке и проговорил благочестивым тоном:

— Двери моей комнаты будут открыты для тебя, дорогая племянница, если ты пожелаешь явиться ко мне на исповедь нынче вечером.

— Я приду и с радостью исполню любую епитимию, которую ты наложишь на меня, дядюшка, — с притворной застенчивостью отозвалась Бланш.

Когда она вышла из комнаты, на лице ее вспыхнула торжествующая улыбка: она не сомневалась в том, что добилась успеха. Она очень быстро научилась использовать свое тело как могущественное оружие в борьбе между полами. Эта девчонка, Мэйрин, лишится наследства и уберется прочь из поместья. Ребенок Бланш унаследует земли Сен-Ронана! Бланш возблагодарила Бога и Пресвятую Богоматерь за то, что ее дядя так похотлив. Ведь иначе она и ее ребенок были бы вынуждены рассчитывать на милость этого маленького отродья. Бланш решила, что как только дело

12 уладится, надо избавиться от этой девчонки как можно скорее. Когда церковь объявит Мэйрин незаконнорожденной, у людей начнут чесаться языки, но если Мэйрин исчезнет, то это несколько успокоит зуд в языках. К тому же кто захочет встать на сторону незаконного ребенка и пойти против законной вдовы хозяина поместья? Леди Сен-Ронан не очень-то беспокоилась о том, что будут думать о ней люди, когда она станет победительницей. Бланш Сен-Ронан широко улыбнулась, но глаза ее остались холодными.

Часть первая

Англия, 1056–1063

ДОЧЬ САКСОНЦА

Глава 1

В аргоатском лесу стояла тишина, лишь изредка нарушаемая трелью птицы или тихим шелестом ветра в листве. Кроны берез и дубов гордо парили в недосягаемой высоте; крепкие, покрытые зеленою ветви тянулись к животворному солнечному теплу. Под деревьями лежали огромные замшелые валуны, за долгие столетия принявшие под ветром и дождями причудливые, странные формы. Следуя почти неразличимой тропкой, вьющейся среди этих диковинных глыб, можно было выйти к ручью, бесшумно огибающему камни, круто сворачивающему вбок и теряющемуся где-то в лесной глуши.

Теплые лучи августовского солнца пробивались сквозь густую листву, заливая землю зеленоватым светом и скользя по глади темного озера на поляну, где остановился огромный олень с ветвистой короной рогов, пришедший на водопой. Солнечный блик коснулся его коричневой бархатной кожи, но великолепное животное чувствовало себя так уверенно в этом

14 волшебном царстве, что даже не подняло голову и лишь скосило влажные глаза на еле слышный шорох в подлеске, расступившемся, чтобы пропустить на зачарованную поляну крошечного гостя. Это был ребенок. Маленькая девочка, настолько хрупкая и изящно сложенная, что казалось, легкого ветерка достаточно, чтобы подхватить ее и поднять в воздух.

Увидев оленя, Мэйрин Сен-Ронан остановилась и поздоровалась с ним.

— Привет, Хирн! — раздался тонкий детский голос, и олень снова наклонил голову к воде, чувствуя, что перед ним друг.

Белоснежная, почти прозрачная кожа девочки казалась светящейся. Волосы ее в солнечном свете сияли медным блеском; те, кто впервые видел эту огненно-рыжую маленькую красавицу, неизменно поражались необычному цвету ее волос. Некоторые даже дотрагивались до удивительно мягкого шелковистого облака, окутывавшего ее головку, словно не веря собственным глазам и желая убедиться на ощупь в том, что такое чудо возможно. И впрямь трудно поверить, что ребенок в таком нежном возрасте уже может быть настолько прекрасным; видевшие ее невольно начинали гадать, что же будет, когда она вырастет. Впрочем, девочка уже и сейчас была развита не по годам, и в сочетании с редчайшей красотой это производило на многих странное впечатление. Ходили даже слухи, что она бывает у старухи Кателлы, известной в округе ведьмы, и поскольку девочка проявила необычные способности к целительству, многие считали ее юной колдуньей. В конце концов разве не в Бретани жили великий чародей Мерлин и знаменитая волшебница Вивиана?

Девочка подбежала к берегу озера и, опустившись на колени, на мгновение погрузила ладошку в черную

воду и отряхнула прохладные капли. Из темного гладкого зеркала на Мэйрин взглянуло ее отражение, и, рассматривая его, девочка увидела маленький квадратный подбородок, короткий прямой носик (отец уверял ее, что он в конце концов вырастет) и рот, о котором ее мачеха как-то сказала, что он чересчур велик и даже несколько вульгарен для девушки знатного рода. Мэйрин слегка скривила губы, глядя на свое лицо. Она знала заклинания и чары, которые могли бы выбелить кожу и осветлить волосы, но как изменить форму рта, ей было неизвестно.

Что до леди Бланш с ее холодными голубыми глазами и губами, похожими на бутон розы, которые вечно надувались от недовольства, то Мэйрин прекрасно отдавала себе отчет в том, что новая жена отца не любит ее, хотя и не понимала почему. Мэйрин была счастлива, что ее отец наконец вступил в брак: она знала, что ему нужен сын. Но сына не будет: Мэйрин точно знала, что ее мачеха родит дочку, а ее отец, как ни тяжело об этом думать, лежал при смерти. Мэйрин прочла это в его печальных глазах. Слеза скатилась по щеке, но Мэйрин досадливо смахнула ее. Смерть всего лишь врата в иную жизнь. И Мэйрин ничего не могла поделать, чтобы изменить судьбу отца.

Пожав плечами, она поднялась с колен и, как всегда, поблагодарила озеро за то, что оно позволило ей полюбоваться в зеркало. Затем она пошла вдоль берега, внимательно смотря под ноги в поисках растений, которые могли бы пригодиться ей или старой Кателле, ведьме, живущей в этих лесах, которая научила ее, как исцелять болезни.

Ей попалось несколько опавших зеленых желудей, но желуди хороши лишь тогда, когда полностью созреют, и Мэйрин не обратила на них внимания. В траве лежали сосновые шишки, но лучшие шишки — те, что